

Ю. Д. Апресян (Москва)

**Словарная фиксация синтаксических свойств лексем:
взаимодействие словаря и грамматики**

1. Вводные замечания

В фокусе этой статьи находится идея взаимодействия словаря и грамматики. Автор надеется, что юбиляру - великоллепному знатоку истории и современного состояния русской лексикографии и грамматической мысли, с одной стороны, лексик и грамматического строя русского языка, с другой, - будет близок ее пафос.

Статья примыкает к циклу работ автора о типах лексикографической информации для толкового словаря, который мыслится как компонент единого, или интегрального, описания языка; см. в особенности Апресян (1986). Мы коротко напомним общую идею интегрального описания, а затем проиллюстрируем ее на материале двух синтаксических правил. Речь пойдет о правилах мены именительного падежа подлежащего и винительного падежа дополнения на родительный в контексте отрицания. Обслуживаемые ими конструкции очень сходны по своим сочетаемым, семантическим и коммуникативным свойствам, но лексикографически резко противопоставлены друг другу.

2. Понятие интегрального описания

Идея единого, или интегрального, описания языка состоит в следующем: грамматика и словарь, образующие два главных компонента всякого целостного лингвистического описания, должны быть согласованы друг с другом по типам помещаемой в них информации и по способам ее записи. При этом грамматика в данном контексте понимается в самом широком смысле. Это - тот компонент лингвистического описания, в котором сосредоточены все сколько-нибудь общие правила языка - собственно грамматические, семантические, прагматические, коммуникативные.

Требование интегральности описания представляется настолько естественным, что кажется излишним провозглашать его в качестве

основополагающего теоретического принципа. К сожалению, на протяжении сотен лет между грамматическим и лексикографическим описанием языка существовал глубокий разрыв. Словари и грамматики составлялись независимо друг от друга, так что сейчас интегрального описания на академическом уровне не существует ни для одного языка.

Понятие интегрального описания языка позволяет сформулировать два практических принципа всякой лингвистической работы: 1) строя определенное правило, необходимо проследить требования, которые оно предъявляет к лексикографическому описанию слов, - на всем пространстве лексем (подстройка словаря к грамматике); 2) разрабатывая определенную словарную статью, необходимо проследить требования, которые она предъявляет к грамматике, - на всем пространстве правил (подстройка грамматики к словарю). Приведем по примеру на оба случая.

Подстройка словаря к грамматике.

В русском языке есть несколько присубстантивных атрибутивных конструкций, в которых атрибут представлен именем существительным с обязательным зависимым при нем, например, опухоль *величиной с горошину* <с яйцо>, где при атрибуте *величиной* есть обязательное собственное зависимое (с горошину, с яйцо).

Некоторые существительные-атрибуты имеют в этой конструкции форму творительного падежа с обязательным комплетивным (актантным) зависимым при нем. Ср., кроме приведенного примера, дом *высотой в сто этажей*, доски *длиной до пяти метров*, мальчик *ростом с мужчину*. Другие существительные-атрибуты имеют в этой конструкции форму родительного падежа с обязательным определительным или количественным зависимым. Ср. колеса *разного диаметра*, орудия *всех калибров*, мальчик *пяти лет*, явления *такого масштаба* <размаха>, алмазы *неодинаковой ценности*. Наконец, третьи существительные-атрибуты имеют в этой конструкции различные предложно-падежные формы с обязательным актантным или определительным зависимым при атрибуте. Самая распространенная из них - форма предложного падежа с предлогом *в*, например, дети *в возрасте (до) трех лет*, соревнования *в масштабе области*, разрушения *в радиусе три километра*, зарплата *в размере трехсот рублей*, группировка *противника в составе двух полков мотопехоты*. Возможны и более

экзотические способы оформления атрибута; ср. бег на дистанцию три километра, пар под давлением в 500 атмосфер, стрельба с интервалом в полминуты, движение на малых скоростях, газы при температуре в 3000 градусов (подробнее об этой конструкции см. Апресян 1983).

Выбор одной из названных форм атрибута во многих случаях семантически не мотивирован. Например, слово число в функции параметрического атрибута с обязательным зависимым имеет форму творительного падежа: *Преступники числом около 10 человек проникли ночью в дом*. Нельзя сказать **Преступники в числе 10 человек проникли ночью в дом*. Его квазисиноним количество в той же самой функции, наоборот, употребляется только в третьей из названных выше форм. Фраза *Преступники в количестве около 10 человек* правильна, а фраза **Преступники количеством около 10 человек* - нет. Это различие семантически не мотивировано и во всяком случае не вытекает из видимых различий в значениях существительных *число* и *количество*.

Значит ли это, что непосредственно в тексте грамматического правила распознавания или формирования атрибутивных конструкций с обязательным зависимым при атрибуте должно быть указано, какие существительные и в которой из форм могут выполнять в них функцию атрибута? Конечно, нет, потому что таких существительных сотни, и распределены они по разным вариантам конструкции достаточно причудливым образом. Весь этот класс конструкций в значительной степени лексикализован.

Но тогда остается лишь один способ обеспечить взаимодействие грамматики и словаря на рассмотренном участке системы русского языка. Способность формировать указанную конструкцию, в одной из названных выше разновидностей, должна быть приписана лексемам непосредственно в словаре.

Это может быть достигнуто, например, введением соответствующих синтаксических признаков в их словарные статьи (о понятии синтаксического признака см. Мельчук 1974, 241-242; Мельчук-Перцов 1975, а также Апресян 1983, 1985, 1988).

Существительным типа *величина, высота, длина, рост* и т.п. приписывается синтаксический признак "парамтвор", указывающий на то, что в функции атрибута с обязательным зависимым они имеют

форму творительного падежа. Существительным типа диаметр, калибр, масштаб, размах, ценность и т.п. приписывается признак "парамрод", указывающий на то, что в функции атрибута с обязательным зависимым они имеют форму родительного падежа. Наконец, существительным типа возраст, давление, интервал, количество, размер, расстояние, скорость, состав, температура и т.п. приписывается признак "парампредл". Он означает, что в функции атрибута с обязательным зависимым они имеют предложно-падежную форму, свою для каждого существительного; эта форма - на + вин, под + твор, с + твор, в + пр, на + пр, при + пр - указывается непосредственно в его словарной статье сразу после признака "парампредл".

Располагая таким лексикографическим описанием параметрических существительных, мы получаем возможность разгрузить правила от ненужных деталей, сделать их более общими. Так, в правиле распознавания или формирования атрибутивной конструкции с существительным класса "парампредл" нет нужды перечислять все конкретные предлоги, которыми могут вводиться параметрические атрибуты. Помимо ссылки на признак "парампредл" достаточно иметь переменную для обозначения позиции предлога, конкретное лексемное значение которой - на 1, под, с, в, на 2, при - подбирается по словарной статье существительного.

При составлении словарных статей необходимо считаться с тем, что одно и то же существительное в разных лексических значениях может попасть в разные разряды, т.е. иметь разные синтаксические признаки. Ср. мешки весом до 100 килограмм (≅ 'массой', "парамтвор") - боксеры в весе до 100 килограмм (= 'в весовой категории', "парампредл" в); контейнер объемом в три кубических метра (≅ 'вместимостью', "парамтвор") - премия в объеме месячного оклада (= 'в размере', "парампредл", в).

Более того, даже в одном и том же лексическом значении существительное может иметь более одного признака этой серии. Таковы, в частности, существительные величина, высота, длина, размер, рост и т.п. Помимо признака "парамтвор" они имеют признак "парамрод"; ср. отливки большой величины, доски меньшей длины, мальчик высокого роста и т.п. Заметим, однако, что признаки "парамтвор" и "парампредл" в пределах одного лексического значения эмпирически несовместимы.

Подстройка грамматики к словарю.

Каноническим способом оформления первого дополнения при путативных глаголах считать, находить, признавать в трехвалентной конструкции является, как известно, винительный падеж: Он считает <признает> свою сестру [вин] выскочкой, Я считаю <нахожу> ваши жалобы [вин] неуместными. При этом второе дополнение путатива оформляется творительным падежом, как в только что приведенных примерах.

Очевидно, что данный тип двойного управления должен быть указан непосредственно в словарных статьях перечисленных глаголов как их идиосинкратичное свойство. Другие путативные глаголы распоряжаются своими валентностями иначе; ср. Я рассматриваю <расцениваю> ваши жалобы как неуместные. Я смотрю на ваши жалобы как на неуместные, прост. Уж не держишь ли ты его за дурака?

Даже при глаголах считать, находить и признавать возможные способы оформления дополнений не ограничиваются указанными выше способами. В позиции второго дополнения возможна, кроме творительного падежа имени, еще сравнительная степень прилагательного: Я считаю Никиту гораздо умнее себя. В позиции первого дополнения, кроме винительного падежа имени, встречаются еще инфинитив, союзное придаточное предложение (вводимое союзами что, чтобы, если, когда) и косвенный вопрос. Ср. Жаловаться я считаю <нахожу, признаю> неуместным; Спортивные обозреватели считают <находят, признают> возможным <вероятным>, что претендент попытается вырваться вперед на старте; Дирекция считает <находит, признает> разумным <целесообразным>, чтобы разработку нового двигателя поручили вашей лаборатории; Планистики считают <находят> странным <необъяснимым>, когда <если> на местах не осваивают отпущенные средства; Многие считают неясным, как будут развиваться события.¹

Значит ли сказанное, что эта информация должна включаться непосредственно в словарные статьи путативов наряду с информацией о каноническом двойном управлении кого-что кем-чем-каким? Иными словами, должна ли трехвалентная модель управления такого глагола, как считать, выглядеть, например, следующим образом:

1	2	3
1. им	1. вин 2. инф 3. что + ПРЕДЛ 4. чтобы + ПРЕДЛ 5. когда + ПРЕДЛ 6. если + ПРЕДЛ 7. ВОПРОС	1. твор 2. сравн

Достаточно поставить этот вопрос, чтобы ответить на него отрицательно.

Такое решение представляется неудачным прежде всего потому, что формы 2-7, о которых мы только и будем говорить в дальнейшем, не являются собственными управляемыми формами путативов. Они очевидным образом наводятся семантикой второго дополнения. Ср. *Я считаю возможным <вероятным>, что он придет, но только Я считаю возможным <*вероятным> согласиться на это; Я считаю очевидным <сомнительным>, что работа может быть выполнена в срок, но только Я считаю сомнительным <не *очевидным>, чтобы работа была выполнена в срок.* Иными словами, чередование винительного падежа с формами 2-7 возникает только в контексте определенных прилагательных и существительных.

Итак, управление формами 2-7 не изначально присуще путативам, а выводится из семантических или синтаксических свойств их вторых дополнений. Поэтому включение этих форм в словарные статьи путативов приводит к их перегрузке избыточной информацией. Необходимо попытаться разгрузить словарь от излишних деталей.

Второй недостаток такого описания состоит в том, что принятое нами неэкономное решение пришлось бы распространить на еще один класс глаголов, по крайней мере вдвое превосходящий по объему группу путативов. Действительно, формы 2-7 чередуются, в контексте тех же прилагательных и существительных, не только с винительным падежом дополнения путативных глаголов, но и с именительным падежом подлежащего связочных глаголов. Ср. *Жалоба была неуместной - Жаловаться было неуместно; Его заблуждение было беспорно - Было*

бесспорно, что он заблуждается; Его приезд казался сомнительным - Казалось сомнительным, что он придет <чтобы он собирался приехать>; Цели <причины> его приезда стали непонятными - Стало непонятно, зачем <почему> он приехал; и т.п.

У "словарной" трактовки рассматриваемого материала есть и третий серьезный недостаток. Известно, что между путативными и связочными глаголами имеется глубокая внутренняя связь. Она проявляется в том, что каждый путативный глагол скрывает в себе связку. При этом подлежащее "вложенной" связки оказывается дополнением путатива:

Я считаю, что он [подлежащее] $\emptyset$ ^{быть} умен -

Я считаю его [дополнение] умным.

В рамках чисто словарного описания эту общность ухватить нельзя.

Больше возможностей экономно описать и все идиосинкратичные свойства слов, и общие закономерности русского синтаксиса открывает грамматическое решение. Лексикографически оно основано на том, что путативам считать, находить и т.п. в словаре приписывается только семантический признак 'путативность' и канонический набор управляемых форм кого-что кем-чем-каким, а связкам - только синтаксический признак "связ" и канонический набор управляемых форм кем-чем-каким. Кроме того, способность некоторых прилагательных и существительных индуцировать у путатива неканонические первые дополнения, а у связки - неканонические подлежащие должна описываться соответствующим синтаксическим признаком в словарных статьях таких прилагательных и существительных. Это - признаки "прединф", "предчто", "предчтобы", "предкогда", "предесли", "предвопр" (см. Апресян 1988, 84-85).

Чтобы описать все интересующие нас факты русского языка на этой минимальной лексикографической основе, необходимо ввести в грамматику два новых синтаксических правила. Первое из них устанавливает, что всякий путативный глагол, имеющий канонический набор управляемых форм кого-что кем-чем-каким, может присоединять к себе неканоническое первое дополнение. Оно имеет форму инфинитива, придаточного с что, придаточного с чтобы и т.п. при условии, что третья валентность глагола насыщена прилагательным или

существительным, имеющим синтаксический признак "прединф", "предчто", "предчтобы" и т.д. соответственно. Второе правило устанавливает, что всякий связочный глагол, за исключением являться, имеющий канонический набор управляемых форм кем-чем-каким, может присоединять к себе нетривиальное подлежащее. Оно имеет форму инфинитива, придаточного с что, придаточного с чтобы и т.п. при условии, что присвязочным зависимым глагола является прилагательное или существительное с синтаксическим признаком "прединф", "предчто", "предчтобы" и т.д.

Рассмотренные примеры, несмотря на их простоту и очевидность, показывают, что принцип интегрального описания действительно заставляет лингвиста работать сразу на всем пространстве языка. Лингвист может заниматься отдельным грамматическим явлением или изучать одно слово, но он обязан видеть последствия любых принимаемых им локальных решений для глобального описания языка.

Теперь перейдем непосредственно к двум названным в начале данной статьи конструкциям, материал которых ставит перед лексикографом один несложный, но любопытный вопрос.

3. Конструкции с меной "им $\Rightarrow$ род" и "вин $\Rightarrow$ род" под отрицанием

Речь идет о конструкциях типа *Письма не пришло* (ср. *Письмо не пришло*) и *Я не заметил столба* (ср. *Я не заметил столб*). Обе давно и плодотворно изучались. Достаточно назвать работы Томсон (1902), Карцевский (1928), Шахматов (1941, 325-326), Пешковский (1956, 296-297), Якобсон (1985, 148), а из более новых и новейших работ - Restan (1960), Рубцова (1975), Babby (1980), Ružička (1981), Ицкович (1982), Мустайоки (1985), включая обзор Богуславский (1982); см. также Апресян (1985; 1989).

В характеристике сочетаемостных, семантических и коммуникативных свойств двух конструкций мы, в основном, следуем традиционной концепции, внося в нее только частичные уточнения. Принципиально новый результат, полученный в данной работе, - лексикографический. Он касается различия в словарной трактовке глаголов, употребляющихся в конструкции типа *Письма не пришло*, с одной стороны, и в

конструкции типа *Я не заметил столба*, с другой.² Обнаруженному различию мы пытаемся дать семантическое истолкование.

Начнем с далеко идущих сходств между двумя конструкциями.

1) Ключом к пониманию первой из них является восходящее к давним работам С.О. Карцевского и Р.О. Якобсона положение о том, что в отрицательных предложениях с родительным падежом "отрицается само подлежащее", а в отрицательных предложениях с именительным падежом "отрицается не подлежащее, а его деятельность". Воспользуемся рельефными примерами В.А. Ицковича и переведем приведенные рассуждения на современный терминологический язык. В высказываниях *Стока талых вод не наблюдалось*, *Мороза не чувствовалось* нет пресуппозиций и утверждается несуществование или полное отсутствие предмета речи: стока талых вод вообще не было, мороз не имел места. Наоборот, высказывания *Сток талых вод не наблюдался*, *Мороз не чувствовался* содержат пресуппозицию существования предмета речи и утверждают только то, что он не выполнял определенных действий, не подвергался им, не находился в определенном состоянии: сток талых вод происходил, но за ним не велось наблюдений, мороз имел место, но не мог быть ощущен (например, потому, что не было ветра).

Аналогичные различия обнаруживаются и в параллельных конструкциях с дополнением в родительном и винительном падежах. Высказывания типа *Я не заметил столба*, *Я не видел книги* являются вполне корректным описанием ситуации, когда никакого столба и никакой книги вообще не было. В них нет, следовательно, обязательной пресуппозиции существования объекта. В высказываниях *Я не заметил столб*, *Я не видел книгу* пресуппозиция существования объекта обязательна: нельзя осмысленно их произнести в ситуации, когда никакого столба или книги вообще не было. Говоря словами Р.О. Якобсона, в первом типе предложений отрицается предмет, во втором - только действие.

2) Другой стороной противопоставления по признаку "отсутствие пресуппозиции" - "наличие пресуппозиции" является противопоставление по параметру неопределенности-определенности. Подлежащему в родительном падеже часто соответствует значение неопределенности: *Книжки не нашлось* значит, что не нашлось никакого предмета,

принадлежащего к классу книг. Такое подлежащее тяготеет к положению в реме предложения. Подлежащему в именительном падеже чаще соответствует значение определенности: Книга *на нашлась* значит 'Та книга, которую искали, *на нашлась*'. Такое подлежащее тяготеет к положению в теме предложения.

Аналогичные, хотя и более смазанные различия характеризуют противопоставление дополнений в родительном и винительном падежах соответственно.³ Первому чаще сопутствует значение неопределенности, а второму - значение определенности. Недаром можно сказать Я не заметил *никакого столба* и нельзя - *Я не заметил *никакой столб*.

3) В отрицательных предложениях с родительным падежом подлежащего группа подлежащего обычно обозначает неодушевленный объект; ср. *На той стороне улицы не стояло домов, Ветер утих, яблок на землю больше не падало, На стенах не висело ковров <картин> и т.п.* Те же самые или похожие лексемы с одушевленным и особенно "человеческим" объектом в позиции подлежащего не сочетаются или сочетаются плохо; ср. сомнительность или невозможность ?*На той стороне улицы не стояло демонстрантов, *Никого больше со стульев не падало, *В саду поставили сторожа, и мальчишек уже не висит на заборе при полной корректности На той стороне улицы демонстранты не стояли, Никто больше со стульев не падал, В саду поставили сторожа и мальчишки уже не висят на заборе.* Лишь немногие глаголы, преимущественно экзистенциальные и примыкающие к ним, вполне свободно употребляются с одушевленными подлежащими в родительном падеже. Ср. *Отца в саду не было, На площади никого не осталось.*

Аналогичным образом обстоит дело с дополнением в отрицательных предложениях. Оно более свободно принимает форму родительного падежа при неодушевленном объекте, чем при одушевленном и тем более "человеческом". Фраза *Он не любил детективных романов* вполне корректна, а фраза ??*Он не любил моей жены* по меньшей мере сомнительна.

4) Свобода употребления подлежащего в родительном падеже увеличивается в контексте разного рода усилительных слов и оборотов, таких как *ни, ни единый, никакой, ни малейший, ни один.* Даже глаголы, нормально требующие подлежащего в именительном падеже, в указанных условиях допускают и родительный падеж подлежащего: *На полу*

не сидело ни одного человека <не лежало ни одного раненого>. Очевиден механизм этого явления: частица *ни* и определения типа *ни* единый, имеющие кванторную природу, усиливают значение неопределенности группы подлежащего, которое само по себе, как уже было сказано, является фактором в пользу употребления родительного падежа.

Точно такие же эффекты имеет введение усилительных слов и оборотов с частицей *ни* и на дополнение: даже глаголы, нормально требующие винительного падежа дополнения, в указанных условиях приобретают способность сочетаться и с родительным падежом дополнения. Ср. допустимость *Он не любил ни жены, ни сестры* при сомнительности ??*Он не любил своей жены <своей сестры>*.

Обобщим все сказанное по поводу рассматриваемых конструкций. В пользу родительного падежа подлежащего или дополнения, который условно можно было бы назвать "пренебрежительным", действует представление о количественно членимом неопределенном объекте, не обладающем автономной волей. В пользу именительного падежа подлежащего и винительного падежа дополнения, которые условно можно было бы назвать "уважительными", действует представление о нечленимом определенном субъекте или объекте, наделенном автономной волей.

Не будем перечислять других сходств анализируемых конструкций и факторов, действующих в пользу родительного падежа, - таких, как совершенный вид глагола, отсутствие других актантных зависимых при глаголе, синтаксическая простота группы глагола и т.п.⁴ Сказанного достаточно, чтобы сделать вывод о глубоких аналогиях между конструкциями с родительным падежом подлежащего или дополнения в контексте отрицания, а также между соответствующими синтаксическими правилами.

Перейдем теперь к вопросу о лексикографическом описании глагольной лексики, которое могло бы взаимодействовать с правилами мены "*им* $\Rightarrow$ *род*" и "*вин* $\Rightarrow$ *род*" в контексте отрицания. Казалось бы, многочисленные параллели в сочетаемостных, семантических и коммуникативных свойствах описанных конструкций позволяют нам надеяться и на значительную степень параллелизма в их лексикографи-

ческом описании. Факты, однако, показывают иллюзорность таких надежд.

Относительно способности менять именительный падеж подлежащего на родительный в контексте отрицания все глагольные лексемы русского языка делятся на два неравных класса.⁵

1) Лексемы, не допускающие такой мены; их громадное большинство.

2) Лексемы, допускающие такую мему; их на несколько порядков меньше. Это а) непереходные глаголы со значениями существования, наличия, появления, проявления, изменения, восприятия, необходимости и некоторые другие: *быть, бывать, водиться, выдаваться, доноситься, миновать, наблюдаться, находиться, ожидать, оказываться, оставаться, полагаться, попадаться, предвидеться, прибавляться, проходить, расти, случаться, существовать* и т.п.; ср. *Перелома в погоде не было* <не ожидалось, не предвиделось, не произошло, не случилось>; б) семантически более пестрая группа переходных глаголов в пассивно-возвратной форме: *вестись, возбуждаться, выписываться, выпускаться, делаться, допускаться, достигаться, замечаться, издаваться, обращаться, переводиться, предусматриваться, приниматься, производиться, уделяться* и т.п.; ср. *Никаких наблюдений не велось. Книг по химии не выпускалось* <не издавалось, не переводилось>; в) те же глаголы в форме страдательного причастия прошедшего времени совершенного вида и родственные им прилагательные типа *видный, заметный, нужный, положенный, слышный, страшный*; ср. *Дыма не видно, Стрельбы не слышно*.

Возникает вопрос, каким образом в интегральном описании языка должна быть задана лексическая область действия правила "им $\Rightarrow$ род" в контексте отрицания. Ясно, что перечислить нужные глаголы поименно непосредственно в правиле нельзя, поскольку их слишком много. Но, может быть, их и не надо поименно указывать в правиле, а достаточно сослаться лишь на тот компонент смысла, который мотивирует их способность к меме "им $\Rightarrow$ род" в контексте отрицания.

В качестве такого смыслового компонента указывается обычно значение существования: если оно входит в лексическое значение глагола, он допускает такую мему, если не входит - не допускает.

Это наблюдение верно и проницательно в том смысле, что оно очерчивает канонический класс глаголов, меняющих именительный на родительный под отрицанием. Недаром при глаголах со значением чистого существования (*быть, иметься, попадаться, существовать*) подлежащее может иметь форму родительного падежа даже тогда, когда оно обозначает человека. Смысл 'существование' (благоприятствующий) оказывается сильнее смысла 'человек' (препятствующего).

Однако это наблюдение нельзя использовать как средство эффективно действующего синтаксического правила, потому что оно не задает всех глаголов, способных к мене "им $\Rightarrow$ род" в контексте отрицания, и только такие глаголы. Легко привести два ряда опровергающих примеров.

Во-первых, имеются глаголы, в значение которых компонент 'существовать' явным образом не входит и которые, тем не менее, допускают мену "им $\Rightarrow$ род" в контексте отрицания. Ср. модальные глаголы *полагаться, требоваться* (*Ребенку отдельного места не полагается <не требуется>*) и глаголы со значением количества истекшего времени *истечь, минуть, миновать, пройти* (*Года не минуло <не прошло>, как все началось снова*).

Во-вторых, имеются глаголы, в значении которых компонент 'существовать' есть и которые, тем не менее, не допускают мены: *наступить* (*Перелома в работе не наступило*) - *начаться* (**Перелома в работе не началось*), *быть* (*Меня там не было*) - *присутствовать* (**Меня там не присутствовало*).

В этой ситуации оптимальным представляется следующее лексикографическое решение: в словарную статью каждой глагольной лексемы, способной к мене "им $\Rightarrow$ род" в контексте отрицания, вводится специальный синтаксический признак "родподлотр". Возможно, что понадобится ввести целую серию признаков, каждый из которых учитывает определенное контекстуальное осложнение этой общей способности (см. Апресян 1985, 297).

Обратимся теперь к способности менять винительный падеж дополнения на родительный в контексте отрицания. Относительно этой способности все глагольные лексемы русского языка тоже разбиваются

на два неравных по объему класса.⁶ Однако по характеру своей реакции на изучаемое критическое свойство мены падежей эти два класса в корне отличаются от двух классов, установленных в предшествующем случае.

1) Безусловно преобладающим здесь является класс лексем, допускающих мену "вин $\Rightarrow$ род" в контексте отрицания. Кроме собственно глаголов к нему относятся и некоторые предикативы типа *видно, жаль, надо, слышно* и т.п.

2) Существенно меньший класс, уступающий ему на несколько порядков, образован лексемами, не допускающими такой мены, т.е. всегда сохраняющими под отрицанием винительный падеж дополнения. Это - глаголы, обозначающие воздействие одного человека на эмоции, интеллект, поступки или волю другого человека, в частности: а) глаголы со значением каузации эмоционального состояния, например, *бесить, беспокоить, волновать, восстанавливать (кого-л. против кого-л.), восхищать, дразнить, задевать (кого-л.), злить, изумлять, настраивать (кого-л. против кого-л.), огорчать, оскорблять, поражать, пугать, радовать, сердить, смущать, страшить, томить, тревожить, удивлять, ужасать, успокаивать, утешать*; ср. *Не дразни собаку* - **Не дразни собаки*, *Отказы никогда не злят* <не огорчают, не пугают, не радуют, не сердят, не смущают, не тревожат, не удивляют> его мать - **Отказы никогда не злят* <не огорчают, ...> его матери, *Даже шедевры мирового искусства не могли поразить* <*расшевелить*> эту публику - ?? *Даже шедевры мирового искусства не могли поразить* <*расшевелить*> этой публики; б) глаголы со значением каузации интеллектуальных или этических состояний, например, *баловать, воспитывать, натаскивать, наставлять, обучать, пестовать, тренировать, убеждать, учить, школить* и т.п., ср. *Я никогда не баловал свою дочь* - **Я никогда не баловал своей дочери*, *Он никогда не тренировал эту девочку* - ?? *Он никогда не тренировал этой девочки*, *Не убеждайте мою сестру (поехать с вами)* - **Не убеждайте моей сестры*; в) глаголы со значением насильственной каузации действия типа *вынуждать, заставлять, насиловать, неволить, обязывать, приневоливать, принуждать* и т.п.; ср. *Прошу вас, не надо неволить мою сестру* - **Прошу вас, не надо неволить моей сестры*.

Эти примеры показывают, что неспособность к мене "вин $\Rightarrow$ род" в контексте отрицания достаточно хорошо мотивирована. Нам не известен ни один глагол семантических классов а) - в), который был бы

безоговорочным исключением из правила, т.е. допускал бы родительный в контексте отрицания (если не считать фразем типа *и мухи не обидит*).

В свете этих фактов может показаться, что наилучшим решением является включение в правило мены "вин $\Rightarrow$ род" в контексте отрицания прямой ссылки на семантику глаголов, которым эта мена противопоставлена. Ясно, однако, что правило, ссылающееся на три или даже четыре разных семантических свойства глаголов, обладает недостаточной объяснительной силой. Возникает вопрос, нельзя ли эти свойства обобщить.

Естественным кажется следующее обобщение: мены не допускает 1) каузативный глагол, 2) объект которого антропоцентричен, т.е. в норме представлен именем человека. Три или четыре сложных семантических свойства сведены здесь к двум простым семантическим признакам, из которых главным, вне всяких сомнений, является второй. Однако и они не являются необходимыми и достаточными. В частности, они не охватывают некаузативных глаголов с антропоцентричным объектом. Между тем ряд таких глаголов обладает интересующим нас синтаксическим свойством, т.е. неспособностью к мене "вин $\Rightarrow$ род" в контексте отрицания. Таковы, например, глаголы *благодарить*, *боготворить*, *уважать*, ср. *Я не стал благодарить старуху <эту публику>* - **Я не стал благодарить старухи <этой публики>*, *Вы совсем не уважаете свою сестру <публику>* - **Вы совсем не уважаете своей сестры <публики>*.

Попытка еще больше ослабить семантические условия, сняв признак 'каузативность' и оставив только ведущий семантический признак 'антропоцентричность объекта', тоже ни к чему не приводит. Наряду с глаголами типа *благодарить* и *боготворить*, которые отныне становятся полноправными членами рассматриваемого класса, в него попадут и такие глаголы с антропоцентричным объектом, которые достаточно свободно допускают мену "вин $\Rightarrow$ род" в контексте отрицания. Таковы, например, глаголы *жалеть* и *ценить*, ср. *Он никогда по-настоящему не жалел <не ценил> своей сестры*.

Итак, нам не удалось найти единой семантической мотивации для синтаксического свойства ряда глаголов сохранять винительный падеж дополнения под отрицанием. Поэтому ничего другого не остается, как

зафиксировать это синтаксическое свойство "в лоб" - в виде единого синтаксического признака "виндопотр", приписываемого всем таким глаголам. Подчеркнем, что нужен именно признак вида "виндопотр", а не "роддопотр", поскольку в данном случае, в отличие от случая мены "им $\Rightarrow$ род" в контексте отрицания, маркирован класс глаголов, сохраняющих винительный падеж дополнения даже под отрицанием.

Добавим, что, может быть, и здесь не удастся обойтись одним синтаксическим признаком, а понадобится целая серия признаков вида "виндопотр". Не входя в детали этого вопроса, назовем две ситуации, требующие расщепления этого признака.

Первая, в сущности, уже упоминалась. Одна и та же глагольная лексема, скажем, *любить* 1, допускает мену "вин $\Rightarrow$ род" при неодушевленном объекте и не допускает ее при одушевленном: ср. *не люблю мелодрам* - ?? *не люблю вашей сестры*.

Другая ситуация связана с путативными, декларативными и дескриптивными связками типа *считать*, *находить*, *признавать*, *называть*, *объявлять*, *провозглашать*, *изображать*, *рисовать* и т.п., способными употребляться в одном и том же лексическом значении либо в двухвалентных, либо в трехвалентных конструкциях. Проиллюстрируем возникающую здесь трудность на примере путативов. В трехвалентной конструкции они всегда сохраняют винительный падеж под отрицанием: *Я не считаю <не нахожу, не признаю> его работу открытием* - **Я не считаю <не нахожу, не признаю> его работы открытием*. Между тем в двухвалентной конструкции с пропозициональным местоименным существительным типа *это* в роли дополнения мена "вин $\Rightarrow$ род" не только возможна, но обязательна; ср. *Я этого не считаю <не нахожу>* при недопустимости **Я это не считаю <не нахожу>*. Ясно, что одной лексеме нельзя приписать двух взаимно исключающих друг друга синтаксических признаков, и, следовательно, их надо расщепить на несколько более дробных.

Завершая рассмотрение глагольных лексем классов "родподлотр" и "виндопотр", рискнем высказать одно предположение по поводу источника их лексикографической противопоставленности. Универсальным фактором, препятствующим замене канонического падежа (именительного или винительного) на родительный, является антропоцентричность соответствующей синтаксической позиции.

Позиция субъекта в русском языке у подавляющего числа глаголов антропоцентрична. Это вполне естественно: ведь язык предназначен в первую очередь для описания действий людей. Внешне это как раз и проявляется в том, что при большинстве глаголов подлежащее сохраняет именительный падеж даже под отрицанием, а маркированным оказывается небольшой класс глаголов "родподлотр", допускающих мену "им $\Rightarrow$ род".

Позиция объекта в русском языке у подавляющего числа глаголов (а они обозначают разного рода физические воздействия), наоборот, не антропоцентрична. Это тоже вполне естественно: человек физически воздействует прежде всего не на себе подобных, а на другие объекты природы и на различные артефакты. Внешне это как раз и проявляется в том, что при большинстве глаголов дополнение меняет винительный падеж на родительный в контексте отрицания, а маркированным оказывается гораздо более узкий класс глаголов с антропоцентричным объектом, сохраняющих винительный падеж и в этих условиях.

В заключение скажем несколько слов о правилах. Мы не будем учитывать осложняющих обстоятельств, связанных с необходимостью расщепления признаков "родподлотр" и "виндопотр". Они порождают лишь технические, но не принципиальные трудности. Кроме того, мы будем рассматривать лишь анализирующие правила. Впрочем, содержащейся в них информации заведомо достаточно и для синтезирующих правил.

Для анализа предикативной конструкции в пределах фиксированного материала нужны два правила. Первое связывает небезличный глагол с именительным падежом существительного в качестве (потенциального) подлежащего в любых предложениях, в том числе отрицательных (из него, впрочем, исключаются глаголы типа *иметься*, обрабатываемые особыми словарными правилами). Второе правило связывает глагол с существительным в родительном падеже в качестве (потенциального) подлежащего при следующих двух условиях: 1) при глаголе есть отрицание; 2) самому глаголу в словаре приписан признак "родподлотр".

Для анализа конструкций с дополнением в винительном или родительном падеже тоже нужны два правила. Первое связывает глагол, управляющий винительным падежом, с винительным падежом

существительного в качестве (потенциального) прямого дополнения в любых предложениях, в том числе отрицательных (из него исключаются только глаголы типа *иметь*, тоже обрабатываемые особыми словарными правилами). Второе правило связывает такой глагол с родительным падежом существительного в качестве (потенциального) прямого дополнения при двух условиях: 1) при глаголе есть отрицание; 2) самому глаголу в словаре не присвоен признак "виндопотр".

Аналогичные правила нужны и для обстоятельств временной и пространственной протяженности в винительном и родительном падежах.

Легко убедиться, что при таком распределении материала между грамматикой и словарем получается наиболее экономное и простое описание всего круга рассмотренных фактов и обеспечивается эффективное взаимодействие грамматики и словаря.⁷

П р и м е ч а н и я.

- ¹ Доказательство того, что во всех перечисленных случаях инфинитив или придаточное предложение синтаксически зависит от путативного глагола, а не от прилагательного, как может показаться на первый взгляд, содержится в работе Апресян (1988, 68-70).
- ² Вообще говоря, такую мену допускают не только дополнения, но и обстоятельства временной и пространственной протяженности в форме винительного беспредложного (*Ты не работал двух часов, Он не шел и двух километров, как сворачивал в лес*), но мы для простоты от этого отвлечемся.
- ³ Видимо, именно неотчетливость этого противопоставления привела Пешковского (1956, 297) к выводу, что между двумя падежами невозможно "уловить никакой разницы".
- ⁴ Заметим, между прочим, что совокупная игра всех этих факторов порождает классы высказываний, почти неуловимо отличающихся друг от друга по степени языковой правильности; ср. *?Я не убедил вашей жены, ??Я не смог убедить вашей жены, *Я не*

убеждаю вашей жены, **Я не убеждаю вашей жены отказаться от этого намерения.

- 5 На самом деле есть еще один класс глаголов, являющийся прямым антиподом первого. Это глаголы типа *иметься*, которые под отрицанием в обязательном порядке и в любых условиях требуют мены "им $\Rightarrow$ род". Мы их почти полностью проигнорируем, чтобы представить интересующее нас противопоставление лексикографических типов "им $\Rightarrow$ род" и "вин $\Rightarrow$ род" в наиболее чистом виде.
- 6 Здесь тоже есть аналогичный третий класс глаголов. Это глаголы типа *иметь*, которые под отрицанием в обязательном порядке и в любых условиях требуют мены "вин $\Rightarrow$ род"; ср. *Он не имеет серьезных намерений при неправильности* **Он не имеет серьезные намерения*. Никакие условия - ни вынос дополнения в препозицию, ни определенность дополнения, ни его одушевленность, ни вхождение глагола в состав сложного сказуемого - почти не смягчают этого запрета; ср. **Серьезные намерения он не имеет*, **Он не имеет это намерение*, **Он никогда не имел рабыню*, ??*Такие намерения он не может иметь*. Впрочем, мы проигнорируем глаголы типа *иметь* по той же причине, что и глаголы типа *иметься*.
- 7 Рукопись этой статьи была прочитана И.А. Мельчуком, которому автор выражает признательность за ценные критические замечания.

Библиография

- Апресян, Ю.Д.: 1983, 'Синтаксические признаки для атрибутивных конструкций с обязательным зависимым при атрибуте', *Wiener Slawistischer Almanach* 11, 25-59.
- Апресян, Ю.Д.: 1985, 'Синтаксические признаки лексем', *Russian Linguistics* 9, 289-317.
- Апресян, Ю.Д.: 1986, 'Интегральное описание языка и толковый словарь', *Вопросы языкознания* 2, 57-70.
- Апресян, Ю.Д.: 1988, 'Синтаксическая информация для толкового словаря', *Советская лексикография*, Москва, 64-81.

- Апресян, Ю.Д.: 1989, 'Языковые аномалии. Типы и функции' (в печати).
- Babby, L.H.: 1980, *Existential Sentences and Negation in Russian* (= *Linguistica Extransea, Studia* 8), Ann Arbor.
- Богуславский, И.М.: 1982, 'Синтаксис отрицательных предложений', *Обзор работ по современному русскому литературному языку за 1974-1978 гг.*, Синтаксис, Москва, 71-83.
- Ицкович, В.А.: 1982, *Очерки синтаксической нормы*, Москва.
- Карцевский, С.О.: 1928, *Повторительный курс русского языка*, Москва-Ленинград.
- Мельчук, И.А.: 1974, *Опыт теории лингвистических моделей "Смысл $\Leftrightarrow$ Текст"*, Москва.
- Мельчук, И.А., Перцов, Н.В.: 1975, 'Модель английского поверхностного синтаксиса. Перечень синтагм', *Предварительные публикации института русского языка АН СССР*, вып. 64, 65, 66.
- Мустайоки, А.: 1985, *Падеж дополнения в русских отрицательных предложениях 1: изыскания новых методов в изучении старой проблемы*, Хельсинки.
- Пешковский, А.М.: 1956, *Русский синтаксис в научном освещении*, Москва.
- Restan, P.A.: 1960, 'The Objective Case in Negative Clauses in Russian: the Genitive or the Accusative?', *Scando-Slavica* 6, 92-112.
- Рубцова, В.А.: 1975, 'Вариативное управление при прямопереходных глаголах с отрицанием не', *Современный русский язык (актуальные вопросы лексики и грамматики)*, Москва, 308-320.
- Růžicka, R.: 1981, 'Маркированность применительно к парности отрицательных предложений в современном русском языке', *Russian Linguistics* 6, 1-14.

Томсон, А.И.: 1902, 'Винительный падеж прямого дополнения в отрицательных предложениях в русском языке', *Русский филологический вестник* XLIX, Варшава, 1-43.

Шахматов, А.А.: 1941, *Синтаксис русского языка*, Ленинград.

Якобсон, Р.О.: 1985, 'К общему учению о падеже', *Роман Якобсон, Избранные работы*, Москва, 133-175.